

Лейла Кушенова

Егеръ

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
К96

Кушенова Л.

Егеръ / Кушенова Л. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. —
124 с.

ISBN 978-5-532-95395-6

После афганской войны и потери всей семьи во время Чернобыльской катастрофы в апреле 1986 года Максим находит убежище в домике егеря посреди тайги, но жизнь дает ему еще один шанс спасти близкого человека от гибели ради спасения человечества от неизвестного вируса.

ISBN 978-5-532-95395-6

© Кушенова Л., текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Часть Первая. Когда идёшь над пропастью	5
Предисловие	5
Глава 1. Человек и Филин	6
Глава 2. Аяла	8
Глава 3. Кеша	12
Глава 4. Тайник	17
Глава 5. Пеппи	21
Глава 6. Томик, Финик и Пипка	26
Глава 7. Скрипичный дождь	31
Глава 8. “Афганец”	36
Глава 9. Рыжий лес	38
Глава 10. Чёрно-белое фото	40
Глава 11. Ника	44
Часть Вторая. На грани сумасшествия	48
Глава 12. Чёрная ночь	48
Глава 13. Новостройка	52
Глава 14. Мальчишки	55
Глава 15. Секретики	60
Глава 16. Церковный колокол	63
Часть Третья. В шаге от бездны	65
Глава 17. Детская тетрадь	65
Глава 18. Тупик	69
Глава 19. Код «четвёрки»	73
Глава 20. Яшка	76
Глава 21. Ва-банк	78
Глава 22. Чай с полковником госбезопасности	80

Глава 23. Вещие сны	84
Глава 24. «Кобра»	88
Глава 25. Злой гений	90
Глава 26. Чудо-ребёнок	92
Глава 27. Позывной	94
Часть Четвёртая. Ангел-Хранитель	96
Глава 28. Бездна	96
Глава 29. Отец и дочь	99
Глава 30. Дуст	103
Глава 31. Никина кукла	106
Глава 32. Ада Грибан	108
Глава 33. Небо, которое рядом	111
Глава 34. Чёрный могильник	113
Глава 35. Решающая ночь	115
Глава 36. Полковник Онопко	117
Глава 37. Вертолёт	121
Послесловие	124

Часть Первая. Когда идёшь над пропастью

Предисловие

20 июня 1986 года, 18:32. Афганистан, гора Яфсадж.

Остались в живых только я и таджик Расул. Жара, вонь, настырные чёрные могильники кружат прямо над головой, издавая чудовищные звуки. В сумерках я то и дело теряю сознание, пока Расул тащит меня по горячим камням в сторону света. Я судорожно сжимаю в руках оторванную в бою кровоточащую ногу. Кто знал, что нога отдельно от тела может столько весить?! Каждый раз, когда нога выпадает из рук, Расул останавливается и ждёт, пока я её найду. Он что-то бормочет на своём. «Ту метавони. Ту метавони»...

Здоровая нога больно бьётся о горячие камни. Глаза мои залиты кровью, я плохо вижу. В разреженном горном воздухе усиливается гул. Главное, не потерять ногу и доползти до людей. Только бы выжить, только бы выжить... Голова наливается тяжестью. Какое-то смутное воспоминание пытается пробиться сквозь затуманенное сознание. Вижу мамины руки, она прикладывает к моей разбитой коленке лист подорожника... В тот день в далёком детстве я упал с дерева в церковном дворе и поранил ногу. Что я делал в церкви?

– Ту метавони, ты сможешь! – сквозь нарастающий в горах тревожный гул слышен крик Расула.

Я не понимаю, это он мне кричит или себе. Расул отчаянно тащит меня по раскалённой горе. Мне кажется, я слышу скрежет его зубов. Могильников становится всё больше и больше. Я держусь изо всех сил. Грудь распирает ноющая боль, в висках стучит. Гора полыхает ярким пламенем. Где-то далеко воеет сирена. Кровь, всё залито кровью.

Глава 1. Человек и Филин

Новосибирск, середина августа 2019 года.

Я проснулся в холодном поту, судорожно нащупав влажную простыню. Опять этот сон. Каждую ночь я выпиваю двойную дозу снотворного, чтобы не слышать этот повторяющийся ночной гул. Но снотворное не работает. Сердце опять колотится так, будто просится наружу. «220», – определил я автоматически. Я научился измерять свой пульс давно, ещё на той войне. В темноте нащупал костыль. Холодное дерево привело меня в чувство.

Лунный свет осторожно пробирался в комнату, очерчивая узкую световую дорожку. Я кое-как доковылял до окна, открыл форточку и глубоко вдохнул таёжного воздуха... Тихо. Тридцать лет я слушаю эту оглушительную тишину. Тихо настолько, что я даже слышу, как тяжело дышит тайга. Я наслаждаюсь этими недолгими мгновениями перед рассветом. Ещё несколько минут, и всё закончится. Совсем скоро солнце начнёт просвечивать лес изнутри, как на рентгене.

Я сел на подоконник, скрутил самодельную папиросу и закурил. Закашлялся от жгучей махорки. Я не курю фабричные сигареты. Их дыма не хватает, чтобы погрузить моё больное сознание в едкую тьму. Крутить махорку меня научил Расул. Помню, как на «учебке» он ловко соорудил мою первую армейскую папиросу. На той войне курили все и всё. Когда заканчивались запасы джарса, в ход шла вся трава в округе. Обкуренные, мы уже не разбирали ни запаха, ни вкуса. Имел значение только дым. Он моментально проникал в мозг и выкуривал всё лишнее.

Мои мысли прервал громкий шелест крыльев. Это лесной филин, Яшка. Он грузно опустился на подоконник и двусложно заухал.

– Ну, здравствуй, Яков! Давненько тебя не было!

Яшка живёт в дупле старого дуба на дальней лесосеке и прилетает ко мне только в исключительных случаях. Когда чувствует, что со мной что-то не так.

Филин вопросительно наклонил свою голову, крутящуюся на неподвижной шее как на шарнирах. На меня уставились два круглых красных глаза.

— Нога окающая, ноет как живая, — пожаловался я, показывая глазами на безжизненную культю.

Отсутствующая правая нога не даёт мне покоя с тех самых пор, как её ампутировали. Она будто отказывается принять факт своего физического отсутствия. Я просыпаюсь по ночам от жуткой боли, когда всё тело простреливает электрическим током. Такие боли называют фантомными. Мозг, запомнивший, что на месте обрубка когда-то была здоровая нога, посылает в это место импульсы. Не найдя выхода, они пробивают током каждую клетку моего надломленного организма.

— А ты слышал, Яшка, что после смерти человеку дают последний шанс вернуться и прожить ещё тридцать три года?

Филин неуверенно потоптался на старом подоконнике.

— Правда есть одно условие, нужно понять главную фатальную ошибку, допущенную при жизни. А вот это задача...

Мы сидели на подоконнике — одноногий егерь и старый лесной филин. Ни у меня, ни у него в этом лесу нет никого ближе. Впрочем, есть ещё собака по кличке Аяла. Это моя вторая Аяла. Первую я потерял давно, на афганской горной заставе.

Глава 2. Аяла

Зардевское ущелье. Афганистан, март 1986 года.

После шести месяцев учебки я попал в распоряжение пограничной заставы Гульхана на военную базу Ярим. База располагалась у подножия Зардевского горного ущелья, где за год до моего прибытия прошла самая крупная зачистка от боевиков.

По рассказам одного из дембелей, Лёхи, в тот день как раз завезли новое обмундирование: настоящие кожаные белорусские кроссовки, рубашки из плотного сукна с блестящими пуговицами и чёрные ремни с коваными бляшками. Счастливые, в обновках, солдаты отправились исследовать устье местной реки, где и попали в засаду, оказавшись живыми мишенями для душманов. Те зверски расправились с каждым, докалывая раненых вилами на месте. Многим из ребят до дембеля оставались считанные дни. Две недели спустя за убитых отомстили масштабной операцией, в ходе которой сотни боевиков были взяты в плен. На многих из них были те самые белорусские кроссовки.

— Те кеды мы в цинковые гробы положили, хотя на кой они им, — сказал тогда Лёха, смачно сплюнув в сторону.

С Лёхой я познакомился в первые дни службы. Хилый, невысокого роста, "доход", одним словом. Сначала я принял его за салагу и даже как-то, нажравшись бражки, послал его за джарсом к землякам во второе отделение. Помню, я тогда проспал построение после изрядной попойки и, проснувшись, в ужасе кинулся во двор казармы.

Лёха сидел у ворот на корточках и вяло курил самокрутку. Щуплый, полтора метра в прыжке солдат не обратил на меня ровно никакого внимания. Меня это жутко возмутило:

— Эй ты, недовесок, греби сюда!

Салага посмотрел на меня, едва приоткрыв полузакрытые глаза. Было не понятно, услышал он меня или нет.

— Ты чё, нюх потерял??? Воды принеси, одна нога здесь, другая там!

– Где это там? – наконец произнёс солдат, коверкая и растягивая слова.

– Ща покажу!

Покачиваясь от количества выпитой накануне бражки, я доковылял до доходяги, взял его за шкуру и, приподняв хлипкое тело до уровня своих глаз, плюнул ему в лицо.

Солдатик напрягся, аккуратно вытерся рукавом гимнастёрки и пошёл прочь, что-то бормоча под нос. За свой поступок я поплатился, когда меня избили до полусмерти за казармой свои же «зёмы». Как я потом узнал, «салага» Лёха (на самом деле он его звали Исмаилом) слыл ротным героем, завалив как-то в одном бою аж десятерых духов. Лёха тогда стоял один в охране, когда всё отделение было дислоцировано в соседнюю деревню. Его напарник ушёл в самоволку, и он один на один бился с душманами, отбив заставу и склад вооружения. Вот тебе и «доход»...

– Смотри сюда, курга поганый! Еще раз Лёху тронешь, тебе не жить, – предупредили меня тогда ротные.

Мы с Лёхой потом сильно сдружились. Да так, что перед дембелем он передал мне своего щенка по кличке Аяла. Лёха нашел его в соседнем кишлаке во время перестрелки с местными. Испуганный щенок застрял тогда в узкой щели забора и жалобно скулил.

– Ты того, корми её только, не забывай, – наказал мне Лёха, уезжая.

– Все будет путём, – успокоил его я, пряча Аялу в офицерскую куртку, которая тоже перепала мне от него в наследство.

– Главное, чтобы комок её не заметил, сразу на ученья заберут!

Аяла была немецкой овчаркой, а таких собак в нашей роте тренировали как миноискателей. Лёха до последнего прятал Аялу в казарме, и теперь, уезжая, очень переживал, как бы её не определили в собачий спецотряд.

Мы выхаживали щенка всей заставой. Поили молоком с алюминиевой ложки и подкармливали армейской тушёнкой. Если же на ужин изредка выдавали сгущёнку и белый хлеб, мы дружно делились сладкой радостью с нашей дорогой подопечной. Щедро поливали густой сгущёнкой белый батон, и вкуснее десерта для неё не

было. Прожорливый щенок мог услышать запах сгущёнки даже за версту.

«Комод» (так называли у нас командира отделения) всё же узнал про Аялу, но учить её было уже поздно. Чтобы Аялу не перепутали с обученными овчарками, жена «комода», местная афганка, связала ей мягкий красный ошейник из мохера, который больше походил на опознавательный знак.

В ту ночь, когда всё случилось, душманы, уже несколько дней атаковавшие нашу заставу, начали очередной обстрел реактивными снарядами. Обстрел они вели с разных точек. Артиллерийская разведка определила места их запуска, но противник обхитрил нас при помощи обыкновенных ртутных градусников, установленных на медных клапанах взрывчатки. Утром разогретая солнечными лучами ртуть поднялась на несколько столбиков и замкнула контакты с проводами.

Прогремело несколько взрывов, и эрэсы внезапно обрушились на нашу заставу как пчелиный рой. Понятно, когда мы открыли ответный огонь, бабаев там и в помине не было. Комвзвода отправил второе отделение в оккупированное бандитами ущелье, но пробраться туда оказалось невозможным. Душманы заминировали дороги на подступах итальянскими минами, которые не мог распознать ни один миноискатель. В таких случаях на помощь и приходили минно-розыскные овчарки, которых тренировали при взводе.

Обученные собаки сразу же заученно и осторожно разбрелись по минному полю. Обнаруживая мины, они тихонько усаживались рядышком и сидели, не шелохнувшись, в ожидании сапёров, пока те не вколют в землю колышек рядом с найденной миной. В какой-то момент комод заметил, что одна из собак беспечно носится по полю.

– Белены что ли объелась, – произнёс он, всматриваясь в бинокль.

Через несколько секунд прогремел взрыв.

Как только мы услышали о происшествии, то бросились искать Аялу. Нашли только красный ошейник, зацепившийся за ограду. По всей видимости, Аяла потеряла свой мохеровый шарфик и случайно попала с остальными овчарками в заминированное ущелье.